

Александр Романьков: настроен на атаку

Фехтовальщик Александр РОМАНЬКОВ, обладатель пяти олимпийских медалей, чемпион Сеула-88, десятикратный чемпион мира, как всегда, у журналистов нарасхват. Во время беседы с корреспондентом “ПБ” Александру Анатольевичу позвонили коллеги-телевизионщики, готовящие о прославленном спортсмене программу. И он по телефону без запинки ответил, где, когда и с каким счетом выиграл у того или иного соперника. Дежурный комплимент “С такой памятью быть бы вам резидентом” Романьков парировал мгновенно: “Так я и был им. Вот выполнил свою миссию — вернулся”.

Трехмесячное пребывание белоруса по гостевой визе в Америке чиновники Национального олимпийского комитета поспешили выдать за эмиграцию. На состоявшемся в ноябре минувшего года Олимпийском собрании Романькова в числе двух с лишним десятков человек вывели из рядов НОКа, мотивировав это решение тем, что, работая и проживая в США, он-де утратил связь с белорусским олимпийским движением.

— Для меня это было полной неожиданностью. Не считая спортивных наград, имею две Почетные грамоты Верховного Совета Белорусской ССР, являюсь заслуженным деятелем физической культуры БССР, значусь в Книге рекордов Гиннесса. Что еще нужно было сделать, чтобы представлять в НОКе?! Наверное, у людей, которые вычеркивают олимпийского чемпиона, свое мерило заслуг перед страной. Значит, просто кому-то понадобилось это место. Когда, приехав из Штатов, я пришел с сыном на новогодний праздник, который устраивал наш олимпийский комитет, один из руководителей был сильно поражен: “Разве ты здесь?” Я говорю: “А где я должен быть?” — “Так ты ж уехал вместе с семьей жить в Америку”. Можно было позвонить, поинтересоваться, проверить информацию. Жена моя все это время оставалась в Минске, сын как учился в 51-й школе, так и учится. Дочь — студентка, будущий на психолог. И все они здесь.

— Наверное, у вас не раз была возможность сменить гражданство?

— Довелось пожить и в Южной Корее, и в Австралии, куда направила работать международная федерация. У меня часто спрашивали: “Почему ты не остался, за границей?” Отвечал так: “А чем эта земля передо мной провинилась? Беларусь меня вырастила. Здесь мои родственники, здесь похоронен мой отец. От кого мне бежать?” Но, видно, кому-то это непонятно. Что поделаешь? Безымянные приходят и уходят, они меняются из года в год. Те, у кого есть имя, так или иначе остаются. Мое звание, как и мозоли на руке, несмываемое. Хотя мы, олимпийские чемпионы, сейчас как мертвые души: только числимся на бумаге.

— **Похоже, это известие вас действительно задело за живое?**

— А как вы думали?! Конечно, больно. Может, и я на что-нибудь сгодился бы. Собрание НОКа — это форум, где все мы встречаемся. Где узнаем новости, обсуждаем, что не получилось, оговариваем то, что хотелось бы сделать. Для каждого нашелся бы фронт работы.

— **Как вы относитесь к тому, что ряды спортсменов обильно разбавляют функционерами, обладающими административным ресурсом?**

— Не уверен, что чиновников так уж сильно волнует олимпийское движение. Другое дело, люди, которые прошли через спорт, видят и знают его проблемы. Всем им, как и их тренерам, есть что сказать. Надо активнее привлекать специалистов, которые смогли бы поднимать значимые проблемы, решать насущные вопросы. Я был в сборной Союза 23 года — с 17 до 40 лет. Иногда самому в это страшно поверить.

— **Может быть, вы попали в немилость оттого, что отстаивали отличную от общепринятой точку зрения?**

— Моим мнением особо не интересовались, но определенные суждения по ряду вопросов я, конечно, имею. Столько копий сломано в диспутах, ввозить ли легионеров. А ведь вы посмотрите: приглашают, как правило, тех, кто, по сути, отработанный материал. Та же Россия не отдаст молодого перспективного атлета, реально на что-нибудь претендующего. Приобретаются те, кто сходит с дистанции.

— **Купить, говорят, дешевле, чем воспитать своего.**

— Это так. Старый конь борозды не испортит, но глубоко не копает. Я добавил бы к этому — однако кушает он так же. Далее, запланированные 25 медалей — это были желания. А они, как известно, не всегда соизмеримы с возможностями. Мы посчитали теоретические шансы при условии, что все сложится удачно. Но фортуна смотрит то в одну, то в другую сторону и очень редко — прямо. Поэтому 15 наших наград, из которых две золотые, — выступление достойное. И если выиграл далеко не фаворит, так на то и Олимпиада, тем спорт и прекрасен. Это же не спектакль, в котором одно действие сменяет другое. Здесь смотришь на сцену в ожидании: что же будет дальше? А там Нестеренко! Вы не представляете, как я кричал, когда бежала наша Юлия, как потом ликовал. То, что сделала наша девочка, — это такое чудо, такое счастье! Кто прошел через это испытание, знает, сколько было вложено труда. Победить на стометровке — дистанции, которая вообще не для белых, — величайшее достижение. Почувствовал это во время поездки в США. Есть виды спорта, которые престижны, а в этих видах есть престижные дисциплины. Золото в спринте для американцев — победа из побед. Они просто не могли понять, как это случилось. Спрашивали у меня, знаком ли с Нестеренко. Я говорил, что, к сожалению, нет. Но обещал, вернувшись, обязательно постоять с ней рядом.

— **Игорь Макаров вас так же впечатлил?**

— Что больше всего меня потрясло, так это дружная команда наших борцов. Помните, как переживал Натик Багиров? Было такое чувство, что еще немного — и он выскочит вместо Макарова на татами. Вообще на Олимпиаде очень важен дух коллективизма, когда твои друзья рядом и тебе помогают. Без этого нельзя. Я прошел четыре олимпийских цикла, побывал на трех Играх, за исключением Лос-Анджелеса. И везде чувствовал плечо товарищей. Вспоминаю, как в Сеуле ожидали своей очереди гимнастки. Попробуй не перегори, пока пройдет каждый вид. У фехтовальщиков что? Отработал два дня — и свободен, потом день отдыха. Раньше олимпийские турниры всегда начинались с рапиры. А “художницы” — девчоночки молоденькие, всем по 16-18 лет. Как их не поддержать? Носили на руках, и медали Марины Лобач я радовался, как своей собственной.

— **Трансляции из Афин смотрели с самого начала? Что скажете о четвертом месте Дмитрия Лапкеса?**

— Дима, считаю, боролся здорово. Но мы на него и надеялись. Сильченко была недостаточно известна в высших фехтовальных кругах, а от Лапкеса ожидали хорошего выступления. Жалко, что парень не дотянул до медали. Хотелось хотя бы бронзу — не только для белорусского фехтования, но и для нашей общей копилки. Пройдя такое горнило испытаний, человек становится закаленным. Эта сила дается на будущее. Дима сейчас готовится к новым стартам. И, насколько я могу судить, руки у него не опустились: точит, вострит свою саблю. Значит, олимпийским турниром для него жизнь в спорте не закончилась.

— Какими судьбами вас занесло в Америку?

— Находился там по приглашению. Один из моих товарищей — с ним мы фехтовали еще в сборной СССР — переехал в США из Казахстана, поселился в штате Нью-Йорк, где и открыл новый клуб. Повидался с друзьями, тренерами, которые также перебрались за океан. Раньше у американцев не было фехтования на таком уровне, как сейчас. Их саблистка в Греции выиграла золото. А воспитать за столь короткий срок мировую звезду не так-то просто. “Звездно-полосатые” командой заняли четвертое место в рапире, чем очень меня удивили. Стань они двенадцатыми — уже было бы большим достижением.

— За счет чего произошел такой скачок?

— На постоянное место жительства в США выехало очень много бывших советских специалистов. Дипломы всех институтов физкультуры — киевского, Московского ГЦОЛИФКа, питерского ГАФКа имени Лесгафта — там котируются очень высоко. Знания, которые получали в наших институтах даже середняки, были в десять раз выше, чем у тамошних тренеров. Впрочем, большинство родителей не ставят целью сделать из детей чемпионов. Они просто хотят, чтобы их чада двигались. Есть, правда, один чисто меркантильный интерес. Американское правительство лет восемьдесят назад предложило крупнейшим университетам, колледжам профилировать один из приоритетных видов спорта. Фехтование как раз попало в эту группу. Отныне если поступаешь в вуз, имея какие-то спортивные звания, меньше платишь за обучение. Некоторые приходят в секции исключительно для того, чтобы потом сэкономить на образовании. Если, условно говоря, обучение стоит сто тысяч, а ты уложишься в пятьдесят — уже послабление. А попадаешь в олимпийскую сборную — будешь и вовсе учиться бесплатно.

— С массовостью у янки нет никаких проблем?

— В Штатах существует бесчисленное множество фехтовальных клубов. Они растут как грибы после дождя. На Манхэттене, этом маленьком кусочке земли, и то обнаружил четыре клубные вывески. Причем система преподавания отличается от нашей. Если у нас практикуются отдельные занятия, то у них на групповой урок приходят одновременно и новички-первогодки, и спортсмены с десятилетним стажем. Упор сделан на индивидуальные уроки: это выгодно материально. Люди идут потоком, один за другим, и клубная касса постоянно пополняется. Там не принято, как у нас, перед выходом на дорожку разминаться. Ученики могут зайти в зал по пути из школы домой и прямо в джинсах начать фехтовать. Я смотрел — удивлялся.

Проводится очень много соревнований, преимущественно открытых. Только в турнире рапиристов участвует 400-500 человек. Нетрудно предположить, что из такого количества детей в дальнейшем можно будет отобрать несколько талантов. Два в одном штате, два в другом — глядишь, и набралось человек 20-25. Этим ребятам, обещающим вырасти в больших спортсменах, уделяется повышенное внимание. Пусть даже в итоге их останется не больше десяти.

— Во время вашего отъезда в “Прессболе” состоялся круглый стол с участием всех заинтересованных лиц. Что бы вы добавили к этому разговору? Можно ли что-либо из увиденного вами перенести на нашу белорусскую почву?

— Убежден, что спорт нужно поднимать снизу, хотя такой подход влечет за собой большие финансовые вложения. Я приверженец того, что нам надо возвращать прежние наработки. Наша советская система сейчас работает во всем мире. Пирамида должна стоять на основании. И чем больше в секции придет детей, тем меньше их будет болтаться в подворотнях на улице. Разумеется, все упирается в средства. Тренеры зарабатывают гроши. За примерами далеко ходить не надо. Мой племянник Дмитрий — фехтовальщик, мастер спорта, чемпион страны — закончил наш Университет физической культуры, пошел работать в “Динамо” и через месяц получил зарплату 100 тысяч рублей. Разве можно женатому человеку на эти деньги прокормить семью? Решил искать другую работу, и я его полностью оправдываю. Хотя сказал, что фехтование очень любит и все равно туда

вернется, чтобы воспитать ученика под стать родному дядьке.

— **Инвентарь у вас будет подороже тренерских зарплат.**

— Недешевый, это точно. Простой клинок стоит от 8 до 10 долларов, электрический — 15-20. Тот клинок, которым можно фехтовать долго, чтобы он не поломался, от 40 до 50. Стоимость амуниции — наконечников, ручек, масок, перчаток — еще дороже. Если будете фехтовать на международных соревнованиях, нужен специальный костюм 1600 ньютонов, чтобы был непробиваемый. А он уже потянет долларов на 500. Эти вещи, положим, нужны для сборной. Для нее находят деньги. А для детишек? Средств на экипировку хватает далеко не у всех. Бэушная же пришла в такую негодность, что не залатаешь.

Благо нашли деньги, чтобы отремонтировать динамовский зал фехтования. Это очень здорово, потому что ремонта в нем не было лет 20. Значит, об этом думают.

— **Будет ли кому в нем заниматься?**

— На подходе много хороших ребят. Недавно побывал на тренировках, посмотрел. Уходил в приподнятом настроении — разглядел мальчишек и девчонок с хорошими задатками. У Корецкого, Асиевского, Никанчика есть пару человек, которые смогли бы что-то показать. Но для фехтования нужен контакт, развиваться автономно оно не может. Почти у каждой страны свои тактика, техника. И все это следует пробовать на себе и применять. Вот почему необходимо обкатывать молодежь, ездить на соревнования. Ведь победы в нашем виде спорта складываются не из того, что где-то потренировался и что-то сделал. Слагаемые успеха — физическая подготовка и психологическая уверенность. Когда ты настроен на атаку, не думай о том, что можешь получить укол. Стремись сам его нанести. Стоит только прокрасться в душу сомнениям — и ничего не получится.

[Эльмира Хоровец, «Прессболл», 4 февраля 2005 г.](#)